

ХАДИ ТАКТАШ

ИЗБРАННОЕ

ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Хади Такташ
Ленар Миннемохимович Шаех
Избранное

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32578965

Избранное: стихотворения, поэмы: Татарское книжное издательство;

Казань; 2017

ISBN 978-5-298-03396-1

Аннотация

В книгу вошли известные и популярные стихотворения и поэмы классика татарской литературы, знаменитого поэта Хади Такташа.

Содержание

Голос Такташа	6
1916	10
Газраилы[3]	10
В тёмные ночи	13
1917	14
В пустынях Туркестана	14
1918	16
Изгнанники неба	16
Казнённый пророк	25
1920	31
Голод-патша[4]	31
Моя клятва	33
В лунном сиянье	34
1921	35
Утешение	35
Трагедия сынов земли	38
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Хади Такташ

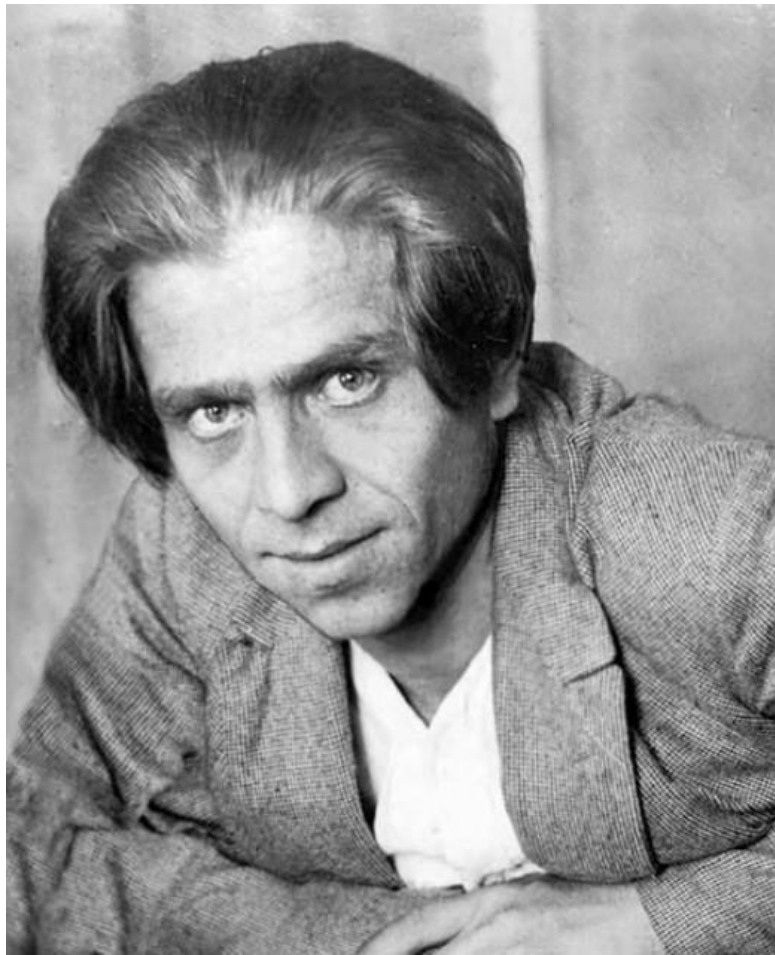
Избранное:

стихотворения, поэмы

© Татарское книжное издательство, 2017

© Шаехов Л. М., сост., предисл., 2017

* * *

Голос Такташа

В татарском народе есть такое крылатое выражение, что татарская поэзия XX века стоит на трёх буквах «Т», где первая из них Габдулла Тукай, вторая – Хади Такташ, третья – Хасан Туфан. Все они – корифеи нашей литературы, показывающие её истинное лицо – и глубину мысли, и искренность чувств и побуждений, и национальную принадлежность, имеющую крепкие, сильные корни... Ведь поэзия – это не только собрание стихотворений, являющихся произведениями высокого искусства, но и, в первую очередь, свод мыслей и слов, которые властитель пера посылает будущим поколениям. Там таится национальная особенность, передающийся из века в век, из поэта к поэту национальный код: родной язык, обычаи, культура, история...

Хади Такташ является очень значимой фигурой татарской поэзии 20 – начала 30-х годов прошлого столетия, где он сформировался сначала как поэт-бунтарь, восставший против политики Страны Советов, вскоре в какой-то степени уступивший своим идеалам, но не изменившийся внутри. Наверное, поэтому его жизнь оборвалась на склоне лет, когда ему было всего лишь тридцать. Он смог высказать всё то, что давало росток в его душе к этому времени. Такташ раскрылся и вырос как поэт-трибун, поэт-лирик, а также как яркий и пламенный публицист, прозаик и драматург.

Самым весомым и важным, сложным и глубоко продуманным произведением поэта является драматическая поэма «Трагедия сынов земли». Он начал писать её в виде фрагментов, всё более оттачивая и совершенствуя, довёл до уровня трагедии в шести действиях. По утверждению литературоведа Хати́па Гусмана, среди первых пробных стихотворений Хади Такташа, написанных в 1915 году, было стихотворение о Кабиле-Абиле¹ (о Каине и Авеле). Известно также, что «Трагедию сынов земли» поэт продолжил в 1918 году в Бухаре и в 1920 году в Оренбурге. Произведение было завершено в 1921 году в Ташкенте, в 1923 году оно было издано отдельной книгой² и в том же году 12 апреля поставлено на сцене Татарского государственного театра. Постановку осуществил знаменитый режиссер, артист, драматург Карим Тинчу́рин. В премьере роль Идеи исполнил сам Такташ.

В «Трагедии сынов земли» поэт по-своему пытался понять и объяснить глобальные изменения и невыносимые трудности, которые принесла Октябрьская революция. Своё отношение к происходящим в стране событиям он передал через религиозные мифологические сюжеты, проблему свободы личности рассматривал в нравственно-философском плане.

К произведениям, написанным в годы потрясений, от-

¹ Такташ Һ. Эсэрләр. – Казан: Татгосиздат, 1950. – 1 т. – 311 б.

² Такташ Һ. Жир уллары трагедиясе: 6 күренештә: Адәм, Хавалар тормышынан. – Казан: Татарстан, 1923. 102 б.

носятся стихотворения «Газраилы» (1916), «В тёмные ночи» (1916), «Изгнанники неба» (1918), «Казнённый пророк» (1918), «Голод-патша» (1920), «Тени» (1922), «Такташ умер» (1923) и другие. Они мрачны, темны, но в то же время достоверны. Поэт же воспеваёт свой век, в котором живёт, таким, какой он есть.

Поэзия Хади Такташа напоминает длинный путь, выходящий из темноты и уходящий в солнечную даль. Ведь произведения, которые пробуждают в душе светлые, красивые, тёплые чувства, приятно читать, так как душа человека просит именно таких стихотворений. Среди них «Маленький разбойник» (1926), «Сегодняшняя красота» (1927), «Исповедь любви» (1927), «Мукамай» (1929), «Алсу» (1929) и другие.

Написав поэму «Письма в грядущее» (1931), поэт предсказал жизнь себе и своим стихам в будущих веках. Как говорят в народе, татарин приносит себе предвещанное.

Сегодня если красота умрёт,
Её росток у нас взойдёт.
Своими грубыми руками
Грядущего мы красоту создали, —

пишет он, оглашая свои пламенные слова в седые века и веруя в жизнь татарского народа, родного языка и литературы.

Ленар Шаех

1916

Газраилы³

*(Против первой империалистической
войны 1914 года)*

Поднялся он в горы, взошёл он на скалы,
И крылья свои опустил он устало.
Лучится звезда на челе его ясном,
От чистого взора заря запылала.
Заря запылала и мир озарила,
Но ветры пришли и сказали уныло:
— Ты лишний здесь, ангел!
Тут скорбь, тут могилы —
Над этой землёю царят газраилы!

На эту звезду прилетел он когда-то,
Чтоб счастьем её одарить небывалым:
В блаженном Эдеме цветы он посеял,
Прекрасные, красные, их поливал он,
И песнь распевал он

³ Газраилы (азраилы) — согласно мусульманской религии, ангелы, возвещающие смерть.

О небе, о неге,
И раем он делал
Всю эту
Планету.
Но был недоделан, увы, недоделан
Тот рай, – в нём цветов не хватало местами,
И вновь за цветами
Тогда улетел он.
И снова, и снова
По звёздам порхал он, цветы собирая
Для рая земного.
Когда ж наконец он вернулся —
О горе! —
Увидел он горы костей человеческих,
И крови увидел он целое море.
Взбесилась земля, блещут копыта стальные,
Легли мертвецы на дороги земные,
И адское пламя повсюду играет.
Планета прекрасная меркнет, сгорает;
Лишь пепел остался в садах и на гумнах;
Дом радости сделался домом безумных.
– О, кто они, злые и хищные души?
Откуда явились, чтоб рай мой разрушить?
Откуда? —
Никто не ответит. Лишь, воя,
Снаряды летят над его головою.

Задумался он. Что за время настало?
И крылья на землю склонил он устало.

Лучится звезда на челе его ясном.

От ангельских взоров заря запылала.

Заря запылала и мир озарила,

Но ветры приблизились, шепчут уныло:

– Ты лишний здесь, ангел! Тут скорбь, тут могилы —

Над этой землёю царят газраилы!

В тёмные ночи

Как жгучий яд, текут ночные думы
В бескровных венах высохших моих,
А мрачные мечты – как даль степная,
Где лишь порывы ветров ледяных.

Душа изранена, угаснет скоро
От хищных стрел, от роковых мечей;
Хочу я умереть – уйти навеки
Из мира злобных джиннов-палачей.

Кому свободно здесь, пусть остаётся...
А я уйду – покину гнусный ад.
Распутная земля! В твоих объятьях
Теперь лишь змеи жадные кишат!

Взлечу, стерев следы свои земные,
Исчезну в чистой, голубой дали, —
Там буду в небе реять одиноко,
Вас проклиная, изверги земли.

Уйду от вас, – но нет, не позабуду
Вовек моих проклятий и обид:
Пусть вдалеке, покой ваш нарушая,
Зловещий, хриплый голос мой звучит.

1917

В пустынях Туркестана

Что за свет там, заря? Что за огни?
К какому идёт мир порогу?
Почему не видны светлые дни?
Почему туманна дорога?

Над страной мусульман мрак распростёр
Крыла, поглотить её хочет.
Куда ни пойдёшь – всюду тьмы костёр,
Пречёрны до жути здесь ночи...

Солнце, ты где? Где сияешь, луна?
Лучистые, где вы, рассветы?
Где ты, красивая чудо-страна?
Вопросы одни... нет ответов.

Где революции людям несут
Зарю долгожданной свободы?
Мир вверх тормашками перевёрнут,
Чтоб жили духовно народы?!

Где ты, духовная, сытая жизнь

В стране неразменного счастья?
Иль ты мираж, что в пустыне дрожит?
Хотел бы об этом узнать я!

Или на нас, чистых сердцем, табу
Наложено властной руцой?..
Здесь ночь, здесь не люди – рабов табун,
Пустыня вокруг – не укрыться!..

1918

Изгнанники неба

Каменных гор вековые громады,
наверно, расплавил бы этот луч —
Луч милосердия, в глазах её чистых
сиявший, как солнце сквозь полог туч.
Дочь неба, несчастных потомков Адама
всего лишь на миг пожалела она —
И вот в четырёх стенах подземелья
лежит повержена, обречена.
Раскинулись волосы чёрной тучей,
ручьями текут по сырой земле,
Шёлком одели ей грудь и плечи,
тенью лежат на скорбном челе.
В пыли потускнело прекрасное тело,
и только – лучистым звёздам сродни —
По-прежнему ярко глаза блистают, —
куда ж неподвижно взирают они?..
А сверху, сквозь щели чёрной решётки,
течёт в подземелье сиянье луны,
Как будто все взоры безмолвной ночи
на дивную узницу устремлены.
И кажется, в этой тиши бездонной

смолкли все звуки, все голоса, —

Весь мир взирает самозабвенно

в её таинственные глаза.

Она ведь сияющей дочерью неба —

звездой милосердной цвела в небесах,

С безгрешных высот на грешную землю

веками взидала в скорбных слезах:

Видела кровь, неправду, мученья,

страдала, томила за род людской

И вот, наконец, к властелину вселенной

явилась, палимая горькой тоской,

Пред падишахом небесным склонилась

и так повелителя стала молить:

«Пусть люди забудут вражду и рабство,

не хватит ли слёзы и кровь им лить?..»

А что ей ответил Аллах небесный?

«Изменница ты! Отступница ты!

И место твоё — на земле, в оковах,

среди голода, холода и темноты!..»

Сказал — и свершилось его повеленье:

падучей звездой просверкав во тьме,

Низверглась на землю изгнанница неба —

очнулась в холодной тесной тюрьме.

С тех пор небеса от неё отвернулись...

А боль всё сильнее, тоска всё острее...

Годы идут... И давно эти муки,

давно эта жизнь опостылела ей!..

Чу! Газраила — ангела смерти —

громадные крылья шумят вдали,

От их могучих, широких взмахов
рассыпались тучи по краю земли.
Стало пустынным огромное небо,
и воздух застыл, зловещ и тяжёл.
Спустился с небес беспощадный вестник,
к подножью виселицы подошёл.
С острых концов распростёртых крыльев
густая кровь стекает ручьём,
Зрачки немигающих глаз громадных
жарко пылают адским огнём.
«С неба изменницу сверг Всевышний,
сегодня же час её смертный настал!» —
Победоносно, чтоб всем было слышно,
приказ Аллаха он прочитал.
Дверь распахнул угрюмой темницы...
Вошёл... И вдруг... Что случилось с ним?..
Всегда беспощадный, высокомерный,
застыл он, растерян и недвижим.
Два дивных алмаза – глаза он увидел
жертвы невинной... И в тот же миг
Взор её чистый лучом правдивым
в жестокое чёрное сердце проник!
И сразу смягчились, преобразились
вестника смерти злые черты, —
Застыл он в смятенье, впервые почуяв
прилив сострадания и доброты.
Бессильно поникли зловещие крылья —
будто к земле исполин прирос,
А на щеках, холодных и жёстких,

вдруг заблестели полосы слёз.
Впервые забыл он, что должен исполнить
Аллаха безжалостный приговор, —
В нём искру зажёт доброты справедливой
этот невинный лучистый взор,
И перед прекрасной дочерью неба,
хоть и лежавшей в грязи сырой,
Упал на колени посланец грозный,
служить готовый лишь ей одной!
Да, на колени упал!.. Но в страхе,
вскрикнув, как под ударом ножа,
С трудом волоча гремящие цепи,
отпрянула дева, молясь и дрожа,
Зажмурилась, мук ожидая жестоких,
но вскоре, собравши остаток сил,
Пугливо, прерывисто заговорила,
и горестный зов услышал Газраил:
«Не трогай меня!.. Умоляю... Не трогай!..
Ответь сначала: кто ты такой?
Зловещ твой приход, ужасен твой облик,
хоть вижу, что вестник ты неземной,
Ты – житель небес, но не светлого рая,
уж слишком злобны твои черты,
Ладони от крови густой багровы,
пламенем жгучим глаза налиты.
Скажи, из каких ты краёв явился,
нежданно прорезав ночную тишь?
Какую мне страшную тайну откроешь,
какую зловещую весть сообщишь?

Ответь!.. чья свежая кровь стекает
с острых концов твоих чёрных крыл?..
О-о!.. Неужели тебя я узнала?..
Не вестник ли смерти ты – Газраил?..»
И отвечал ей посланец могучий —
негромко, взволнованно отвечал,
И голос под гулким сводом темницы,
как мягкий морской прибой, зазвучал.
Века и века беспощадно и грозно
вещал он людям их смертный час,
Но – чудо! – участливо и милосердно
звучал его голос на этот раз:
«Не бойся меня!.. Да, ты догадалась:
я – вестник смерти, скорби и слёз,
И велено мне, чтоб забрал твою душу
и в адский подземный пламень унёс.
Пришёл за тобой я, изгнанница неба,
но взгляд твой увидел, – и в тот же миг
Впервые отрадный луч сострадания
в мою беспощадную грудь проник.
Из чёрного льда у меня было сердце —
его своим взором согрела ты...
Я многих безвинных казнил, но не видел
такой чистоты, красоты, правоты!
Не бойся меня!.. Клянусь, что решил я
доброе дело хоть раз совершить —
Тебя я спасу, дам свет и свободу,
мрак этих стен смогу сокрушить!
Дай цепи сначала сниму!..» И с улыбкой

могучие руки простёр Газраил —
Железные грубые тяжкие звенья
сразу, как жалкую гниль, раздробил.
Но что это, что?.. Чуть багровые пальцы
коснулись девичьих нежных рук,
Как обожжённая, вскрикнула дева,
а белые руки обуглились вдруг,
Покорно смежились густые ресницы —
лучистым глазам не сиять никогда...
Прекрасная дева, безгласная дева
лежала пред ним холоднее льда.
И сразу: «Будь проклят, клятвопреступник!
Позор и проклятье на все времена!» —
На свитке небес зажглись и погасли
грозящие, огненные письма.
Чу!.. Зазвенел клинок!.. Это в гнев
зловещий вестник в небо взглянул
И длинный булат — слепящую саблю —
на чёрную землю злобно швырнул.
Швырнул — и рукою, багровой от крови,
грозя побледневшим немym небесам,
Крылами шумя и ввысь обращаясь,
так возгласил, могуч и упрям:
«Будь проклят и ты, небесный владыка!
Отныне мне твой ненавистен рай!
Будь проклят и ты, повелитель надменный,
в твои небеса не вернусь, так и знай!
Твоим я слугою был самым верным,
а ныне узнал, узнал твой обман, —

Из века в век убийцей наёмным
тебе я служил, коварный тиран.
Да, каюсь я, горько каюсь пред всеми:
бесчестно обманут я был тобой,
О сколько по воле твоей беспощадной
я крови невинной пролил людской!
Не счесть приказов твоих преступных,
какие безропотно я исполнял:
Казнить благородных, рубить правдивых
меня каждодневно ты заставлял.
Зато не жалел ты щедрых подарков,
отлично знал, чем купить меня,
Ко мне подсылал самых дивных гурий,
чтоб совратить, обольстить меня,
Потоком даров, драгоценных, несметных,
как цепью алмазной, был связан я, —
Не брезговал – брал я твои подачки,
и горько за это наказан я!..
Впервые отрадный луч сострадания
во тьме ощутил я – в тоскливой груди,
Как в чёрный лёд, вошёл в моё сердце
жертвы безвинный взор: – Пощади!..
Решил ей помочь я, сломать её цепи,
несчастную вывести из темноты...
Но ты всё предвидел: ты ядом смерти,
как видно, мои пропитал персты.
Едва я доверчивых рук коснулся,
в них влился мой смертоносный хлад,
Не смог я добро сотворить... Но в этом

лишь ты, вероломный палач, виноват.
Ты знал, что ослушаться буду готов я,
почувствую жалость к её судьбе,
И мне помешал!.. Но коварства такого,
Всевышний, вовек не прощу тебе!
Довольно! Теперь пред тобой не унижусь,
тебе я вызов бесстрашный шлю:
В твой пышный, лживый дворец небесный,
клянусь, никогда уже не вступлю.
И не подсылай обольстительных гурий,
в сады меня райские не завлекай:
Мой взор не прельстят теперь, не обманут
ни горы богатств, ни волшебный рай!
Отныне я вижу, отныне я знаю:
украшен престол горделивый твой
Не блеском созвездий – слезами невинных,
не зорями алыми – кровью людской.
Отныне я понял: обмана и злобы
полны все дела и веленья твои,
Возвёл ты чертог своего величья
на человеческих костях и крови.
Обманут, отравлен, подкуплен тобою,
наёмным убийцей я долго служил,
Но хватит! За все свои униженья,
за все твои козни отмстить я решил.
Как ты не простил моего сострадания,
так подлой лжи не прощу тебе, —
Отныне с тобою помериться силой
хочу в небывалой, гневной борьбе.

Прощай!.. На земле я решил остаться,
в поля справедливых битв уйду
И всем угнетённым сынам Адама
о всех злодеяниях твоих расскажу.
Горящее, словно могучее пламя,
багряное знамя я людям вручу,
Отныне войну я тебе объявляю —
за счастье людей сражаться хочу!»

Казнённый пророк

(Голос погибшего перед Октябрьской революцией)

I

Не проклиняйте меня, о цветы-бутоны!
Вас пробуждая в рассветной тиши,
Сюда босиком прихожу я каждое утро,
Пою-напеваю в лесной глуши.
Зачем прихожу?
Молодые бутоны! Скажите!
Всем расскажите! Зачем прихожу?

Ах, нет... Прошу: уж лучше молчите...
Не шелестите! Слышите? Не шелестите!
А я перед озером этим, на самом краю,
Тихонько-тихонько, голову склонив, постою...

Я ведь не первый год вот так на заре
Здесь, у воды, одиноко сидеть люблю:
Негромко пою, потом помолчать захочу,
Опять запою, опять замолчу... А о чём пою?

Деревья могучие, вспомните: с юных дней
Разве не часто я спал у ваших корней?
Молод я был тогда, но прошли года,
А сейчас взгляните,
Каким усталым, каким бессильным
Старым скитальцем вернулся я к вам сюда!
Вернулся – зачем?.. Но ведь это страна моя,
Родные края, где, надеясь из года в год,
«Тимур вернётся и нас спасёт!» —
Повторял голодный, скорбный народ.
А я?..

Мать – она и сейчас всё такая же мать;
Но даже она мне прямо в глаза иногда
Так поглядит, что голову я склоняю,
И кровью лицо заливается от стыда.
Бедная мать...

II

Скажи мне, мать! В день моего появления,
Кем станет твой сын, молилась ли ты?
С мольбой иступлённой, громко рыдая-плача,
Лицом о кровавую землю билась ли ты?
Быть может, ты так молилась: «Да станет сын мой
Сыном всего народа, светом в его борьбе!...»

Быть может...

Скажи, о мать, утешь злосчастливого сына,
Из дальних краёв вернувшегося к тебе!
Солнце – свидетель, что я за свободу бился,
Оно повидало меня в разгаре грозного дня!
Но палачи, безжалостные злодеи —
Они убили... Они казнили меня.

III

Кинжал я точу, о мать, роковой кинжал,
Мне даже гостя сейчас твоего не жаль!
Я крови желаю, о мать, я крови желаю, —
Лишь кровью упившись, смою свою печаль!
Не удивляйся, прости мне такие слова, —
Не ведаю, что говорю я... Схожу с ума...
Какой печали огонь на моём лице,
Ты понимаешь? Взгляни – и поймёшь сама.

IV

Полночь... О мать, я виселицу воздвигаю:
Отдан приказ – повесить меня должны.
Виселицу воздвигаю, чтоб молодым пророком

Взлететь, растаять в море голубизны...
Приди, о мать! Поцелуй на прощанье сына!
Новым мессией покину я мир... Но сперва,
Со сломанной саблей, с петлёй на шее стоя,
Последние, гневные произнесу слова.
И тучами в небе станут мои проклятья,
Наземь посыплются ливнями жгучих стрел, —
Горы обрушатся, хлынут потоки крови,
Земля покроется горами вражьих тел!
Станут мои проклятья клинками молний,
В землю вонзят возмездья стяг огневой,
Встав на груди угнетателей, справят праздник —
Грозный, торжественный праздник свой...
Не плачь, моя мать:
«Разлучили меня с сыночком!...»
Слёзы и стоны замкни в груди.
О мать! Прошу тебя, мать: когда я погибну,
Снова борца молодого роди...

V

Цветы я посеял, о мать, цветы огневые,
Пусть прорастут – ведь должны прорасти они?
Под свежую лаской весенних, утренних ветров
Пусть расцветут – ведь должны расцвести они?
Когда ж расцветут, когда огнём запылают,

О мать моя, пусть люди их соберут
И пусть мой памятник – мой надгробный облик —
Пламенем алых цветов обовьют.
Пусть будет высечен на моём надгробье
Вечно смеющийся охряно-рдяный рот!
А на груди
«Казнённый пророк» – напишите,
Пусть эту надпись каждый прочтёт.
Вот мой кинжал, о мать, закалённый, острый!
Желанье сыновнее выполни до конца:
Убей меня, а из крови моей горячей
Снова роди молодого борца!
Я вышел в мир, желая привольной жизни,
Но злобные джинны мне преградили путь.
Я крикнул: «Свободу!» —
Они же меня схватили,
Руки скрутили, опутали грудь...
Я стал соловьём, взлетел на весенний тальник,
Чтоб людям вольные песни петь,
Они же и тут не отстали – ловцами стали,
Меня завлекли в коварную сеть.
Я взмыть хотел, воззвать к родному народу,
Крылья уже развернул, но они опять
Меня окружили, кровавые, чёрные птицы
Стали кричать, заставили замолчать.
Где ж вольная жизнь, о мать? Где полною грудью
Можно вздохнуть? Где свет и простор?
Или же где та бездонная пропасть, в которой,
Прячась, оплакивать свой позор?..

Солнце – свидетель, что я за свободу бился, —
Оно повидало меня в разгаре грозного дня!
Увы, палачи, безжалостные злодеи —
Они убили... Они казнили меня...
Но нет! Я не умер! Нет, я ещё не умер!
Дайте кинжал мой, дайте скорей, прошу!
В последний раз
Мой последний завет предсмертный
Всеми народу провозглашу!
Эй, угнетённые! Скорбные! Дети страданий!
Голодные! Падшие! Мученики! Рабы!
Идите сюда! Все, кто в угрюмых шахтах,
В клетках тюремных, в когтях судьбы!
Я вам расскажу о пороках и преступлениях
Тех, что пируют в залах роскошных дворцов,
О бурях грядущих, о наводнениях гнева...
Слышите?! —
Ах, не идут... Не слышат мой зов...
Сил ещё нет у них... Подняться не могут —
Их руки в оковах, мучатся взаперти...
Они – во тьме, в угрюмых колодцах жизни,
Больны, голодны... Не могут ко мне прийти!..

1920

Голод-патша⁴

Ночь... бесхозная пустошь вокруг...
Невесёлые мысли кружат.
Я кричу... Крик тяжёл и упруг...
Никого...
Только ветры блажат —
Озабоченно и тяжело,
Умножая в душе жуткий страх.
Песня ветра — о том, как жилось
В этих богом забытых краях
В безысходной смертельной тоске...
...Краснолицый правитель стоит;
Устрашающий взгляд — вдалеке;
Груды тел и костей — жуткий вид...
Аккуратно причёсан; седой,
Цвета местной земли борода;
Перелётный чужак-богатырь,
Где он царствовал — мёртвый пустырь.
Властелин здешний — голод-патша;
Обнажённый клинок — палаша,

⁴ Патша (татар.) — падишах.

Он свидетель бессчётных боёв,
Им порублена уйма голов.
Вот упал сын свободной страны
К неприступным господским ногам,
К небесам руки обращены,
Губы шепчут одно: «Хлеба! Нан⁵!»

⁵ *Нан* (перс.) – хлеб.

Моя клятва

Взываю к тебе:

Эй, угнетённый,

Обманутый, утопший в крови народ!

Не в силах терпеть этот ужас, знамёна

Любви поднимем и двинем вперёд!

(Вытащу из крови народ трудовой

И к вечному счастью выведу его!)

Запишите в летопись, ангелы судьбы,

Великую клятву – эти слова правы;

Печатное слово правды – стены дробит;

Пред непреложной истиной – скала дрожит!..

Вооружённый словом, лишь раз дёрну руцой,

Оковы, вериги вековые – порвутся...

Змеюки! Прочь, не будет у вас жизни.

Раздавим гадюк, не видать им порогов.

Свет впереди, счастье лучами брызнет,

И следа не останется от пороков...

Смотрите на это знамя,

Что я над собой вознёс...

В нём кровь, пролитая нами,

И море слёз...

В лунном сиянье

И сердце, и душа моя, и вера,
Со светом лунным слившись, потекли
За горизонт по темноте волнистой
И плавно отделились от земли,
И, пролетев через леса и нивы,
Сквозь мглу туманов, тяжких и густых,
Они до красных воинов домчались,
Домчались, чтоб прославить подвиг их.
И вот, раскинув крылья, опустились
На знамя красное, приветствуя его
Приветствиями пламенными. Песню
Пел от всего я сердца своего.
Пел песнь Свободы. И надгробный камень,
Встав на колени, я поцеловал
И всем бойцам,
Погибшим смертью храбрых,
От всей страны привет передавал!

1921

Утешение

1

Ветер рычит...

Ветер рычит, говорит мне злобно:
– Для всех ты чужим родился на свет!..
Мой край насмехается: – Сын недостойный,
в тебе ни любви, ни религии нет!..
А кто любил? Чьей любовью рождён я?
С какою тайной я связан, с какой?
Никто не знает, никто не скажет...
Увы, я погибну, сожжён тоской!
Вокруг – только злые, тупые, глухие,
у них, как холодные камни – сердца,
Меня окружают их тёмные толпы —
хохочут и мучат меня без конца.
А годы идут... Правдивую веру

искал я, искал – не нашёл ничего
И лишь потерял надежду на счастье —
последнее светлое божество.
Не дали лучей ни луна, ни солнце,
чтоб мог я шагнуть на истинный путь,
Волшебницы-звёзды, великие думы —
все-все сговорились меня обмануть.
Любые радости и красоты,
чуть гляну, теряют свой яркий цвет,
Каноны всех вер – одно лицемерье,
чья ложь оставляет кровавый след.
Я словно во тьме потонул навеки,
совсем одинок я, опоры нет...
Ах, если б хоть кто-нибудь знал, ответил:
зачем я, зачем родился на свет?..

2

Утешение

Я родился, чтоб таинственным звоном
песен моих разнестись по стране,
Чтоб мир потрясти!.. О да, всё мощнее
Байрона дух оживает во мне.
Настанет день: в небе жизни тёмной

звёздами слёзы мои заблестят,
От звуков моих вдохновенных песен
весь край расцветёт, как весенний сад...
Тогда, откликаясь на зов мой могучий,
и небеса, и земля задрожат!

Трагедия сынов земли

Драматическая поэма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Адам.

Хава (Ева).

Кабиль (Каин) – их первый сын.

Абиль (Авель) – их второй сын.

Аклима – сестра-близнец Кабиля.

Газазил – вестник Идеи.

Джабраил – вестник Закона.

Микаил – вестник Власти.

Азраил (Газраил) – вестник Смерти.

Другие дети Адама, ангелы, скелеты.

Голоса.

Явление первое

Тёмный лес, тёмная ночь. В глубине сцены видны причудливые очертания вздыбленных к небесам горных вершин, вулканов. Когда открывается занавес, на сцене нет никого. Вокруг – зловещая тишина.

ХОР-ПРОЛОГ

(наполняет мощным звучанием всю природу)

Ночь. Небеса высоки и темны.
Уснул весь мир, тишиной объят,
Уснули люди, уснул их разум,
Уснула любовь, и надежды спят...
Уснул Аллах, спят горы и небо,
Над всей природою – сон и мгла.
Уснула луна – этой тёмной ночью
Над Каф-горой она не взошла,
Она не взошла...
Только вулканы всю ночь напролёт
К небу взметают огонь и дым —
Огонь и дым взлетают столбами,
Потом тяжелеют седыми клубами,
Ложатся на землю туманом густым...

Хор постепенно затихает. Изредка доносится рычание тигров. Вдруг невдалеке – громкий, мучительный выкрик. И снова тишина. Появляется могучий вестник Идеи – сверкающий лучами Газазил.

Газазил

Чей голос?.. Чу! Надрывающий душу
Чей горестный зов донёсся сейчас?
Кто плачет этой зловещей ночью?
Чей это стонет тоскливый саз?!

Пауза.

Кто там, в угрюмой тьме заблудившись,
Путник иль джинн, рыдает в ночи?
Кто молит о чём-то владыку неба
И плачет – кровавые льёт ручьи?

(Кричит в сторону.)

Душа горемычная, эй!.. К властелину
Руки за помощью не простирай!
Пред этим обманщиком не унижайся,
Кровью не плачь, себя не терзай!
Он – беспощадный враг милосердья,
Он горд и жесток, он предать огню
Весь мир готов!.. Его рай небесный
С потоком багряной крови сравню!..

Быстрыми шагами покидает сцену. Кругом слышится
ужасающее рычание тигров и медведей, завывают волки.
На сцене появляется Кабиль. Он измучен. Медленно выходит
на середину сцены. Долгое молчание.

Кабиль

...Во тьме этой мрачной я заблудился,
Всю ночь среди гор и лесов брожу.
Чтоб отдохнуть, чтобы сном забыться,
Нигде приюта не нахожу.

Повсюду, в душу вселяя ужас,
Тигры рычат, глазами блестят...
Страшны их следы... Шипящие змеи
Острыми стрелами впиться хотят...

(Подняв руки к небу.)

В последний раз простираю руки,
Тебе, о владыка, себя отдаю!
Спаси, защити от жестоких тигров,
Не дай погибнуть в диком краю!..
Взмахни рукой! Пусть ночь разорвётся,
А в небе рассветные вспыхнут огни!
Лучами встающего яркого солнца
Полночный мрак скорей разгони!..

(В отчаянье опускает руки.)

Тишина.

Как он жесток!.. Кровавые слёзы
С лица моего не стирает он,
Лишь мстит, меня презирает он, —
Мне подарив только горе злое,
Вечно с моею несчастной судьбою
Зачем-то жестоко играет он...

Тишина.

Я родился... Родился — и с рожденья

Всем был чужой. Даже добрая мать
Не целовала меня – не желала
«Малюткой», «птенчиком» называть.
Не целовала, прочь отгоняла,
Когда я, маленький, был в слезах,
И жгучие слёзы, кровавые слёзы
Так и не сохнут в моих глазах...

Подходит к скале, молча прислоняется к её крутому краю.
Молчание. Озарив сцену яркой полосой света, на одной из
горных вершин снова появляется Газазил – могучий, луче-
зарный вестник Идеи.

Газазил

(протянув руки в сторону Кабиля)

О жалкий, измученный сын земли!
Руки с мольбой ты к Аллаху простёр,
Не зная, какой для тебя разжигает
Он пламень жестокий – адский костёр.
Судьбу твою видя, духи рыдают,
Стонет земля, дрожит небосвод,
Не чуешь ты, сколько тебе навстречу
Чёрных, мучительных дней идёт!..

Кабиль

(ещё не замечая Газазила)

Мучась от голода и от стужи,

Сейчас Акклима моя дорогая
В тесной холодной пещере лежит,
Во тьме с ледяными ветрами споря,
Бедняжка, от холода, страха, горя
Всю мочь, наверно, плачет, дрожит.
И тот же холод, и тот же голод
Терпит сейчас вся моя родня,
Друг к другу жмутся братья и сёстры,
Но помощи тщетно ждут от меня.
Давно я брожу – расставляю капканы
Средь этих гор, лесов и долин,
Хотел накормить я родное племя,
Но не поймался зверь ни один...
Нет сил глядеть, как вечно страдает
Наш род – людская наша семья!..
Умчаться бы вдаль, – да пути не знает,
Лишь горько тоскует душа моя.
Куда б ни протягивал я свои руки,
Ища милосердия и доброты,
Гибли надежды, гасли желанья,
По-прежнему руки мои пусты...
Всюду – куда ни направлю шаги —
Одни враги!

Газазил

(прячась за выступ горы)

Нет! Ты не прав! В этом мрачном мире
Ты окружён не одной лишь враждой!

Есть у тебя и друг – вот увидишь,
И он могуч, он светел душой.

Кабиль

(озираясь)

Коль так, пускай он протянет руку,
По-дружески душу откроет мне.
Я – не злодей, не дикарь... Зачем же
Ему от меня скрываться во тьме?..

Газазил

(внезапно встав перед ним)

Твой друг – это Я!

Кабиль в смятении отступает, испуганно падает на колени.

Дай руку! Не бойся, не унижайся,
Беги отсюда – скорей беги!
Здесь правит Аллах да его посланцы —
Твои мучители и враги.
Беги же из этого мрачного края,
Навстречу лучам зари и весны,
В тот светлый, прекрасный край, где долины
Просторны, солнечны и вольны!..

Кабиль

Хоть и не знаю, ты кто и откуда,
Но отблеск твой я не раз видал,
Не раз твой свет, будто луч далёкий,
Вершину мечты моей озарял.
Не раз в сокровенных моих сновиденьях,
Радостный, ты приходил ко мне,
Не раз, окружённый весной цветущей,
Ты грезился мне в чудесной стране...
Кто ты, о дух могучий? Похож ты
На жгучий цветок, озаряющий мрак
И всю мою душу к себе влекущий!..
Кем послан ты?..

Газазил

Я тебе не враг.

Кабиль

Таясь ото всех, ты чёрною ночью
Не раз посещал мой сон.
«На вечные муки, – так повторял ты, —
Весь род людской осуждён!»
Ты мне говорил непонятные речи,
Протягивал руку вдаль,
Лучистый путь в тот край указуя,
Где кончатся мрак и печаль.

«Пойдём, – повторял ты, – если желаешь
Бесчисленных радостных лет,
Покинь это царство тьмы и несчастий,
А там – свобода и свет!
Там нет Аллаха, нет его власти,
Нет зла и страданий... Смелее шагай
Путём моим светлым!» – так говорил ты.
Где ж этот край?

Могучий Газазил – лучезарный вестник Идеи – простирает руку и указывает вдаль: становятся видны прекрасные, сверкающие дворцы, яркая луна озаряет светло-синее небо, движутся неясные толпы бесчисленных людей.

Газазил

Что видишь там?
Как огромен и горд
Построенный из бриллиантов дворец!
Как ярко над ним в голубых небесах
Блестит луны лучистый венец!
С луны на высокую кровлю дворца
Льётся и льётся поток лучей,
И с каждым лучом, светозарным лучом
Гордое пламя горит горячей.
Пламя пылает... Счастье и свет
Щедрые дарят его огни,
И сколько людей вокруг него, взгляни:
В радости вечной живут они!

Кабиль

(восхищённо)

Как вольно в неведомой этой стране,
Как там светло, как чист небосвод,
Как ярко лучи, текущие с неба,
Дворец озаряют! Кто ж там живёт?

Газазил

В этом дворце одну лишь Свободу
Люди шахиней своей признают,
В этом дворце храбрецы молодые
С подругами верными вольно живут.

Кабиль

(разгораясь волнением и восторгом)

Там счастье царит, там лучи сияют,
Там смелые, радостные существа —
Толпы счастливых! Их дальние тени
Отсюда я вижу едва-едва...
А здесь... Здесь только жестокий голод,
Здесь горе и страх под небом ночным,
Темно на земле, как в аду крошечном,
Клубится угрюмый кровавый дым...

(Всё горячей.)

Так почему в том дворце прекрасном
Кто-то проводит счастливые дни?
За что им дарована эта свобода.
Чем радость свою заслужили они?
И почему мы остались во мраке —
Терпим и голод, и страх, и нужду?
За что нам даны эти вечные муки?
Ответь, о дух великий! Я жду.

Газазил

За что? А за то, что рабами живёте,
Дрожа, голодая, кровоточа,
За то, что покорно, трусливо склонились
Пред властью всевышнего палача.
А он забавляется, с неба взирая
На муки ваших детей и жён,
Смеясь, издеваясь, вас на съеденье
Бешеным тиграм бросает он!..

Кабиль

Что?.. Что за странные речи слышу?..
Ах, они пламенем душу жгут!..
Эти слова, будто яд смертельный,
По жилам горящим моим текут...
Есть ли, скажи, спасительный путь,

Чтоб нам из мрака к счастью шагнуть?

Газазил

Есть! Этот путь далёк и опасен,
Пропasti, кладбища нужно пройти,
Чудовища-дивы, раскинув лапы,
Не пропускают, стоят на пути...
Но если руки твои беспощадны,
Но если душой ты неустрашим,
Лети со мною! И вместе, вместе
Дорогами счастья мы полетим!..

Могучий, лучезарный вестник Идеи исчезает. Сверкающие вдали прекрасные дворцы тонут во мраке. Кабиль продолжает стоять на коленях, руки его простёрты вослед исчезнувшему вестнику.

Занавес.

Явление второе

То же место, те же вулканы. Кабиль сидит на большом чёрном камне. Акклима рядом с ним. Она сидит, печально опустив голову. Время восхода солнца.

Акклима

Едва полночная тьма наступает,
Меня словно тайный зов пробуждает,
И нет тебя – нет рядом со мной...
Нет рядом тебя, я лежу одиноко
Во тьме ночной...
Зачем ты меня в темноте угрюмой
Одну оставляешь каждую ночь?
Объят какой-то тревожной думой,
Куда от меня убегаешь прочь?
Скажи, любимый! Ужель и вправду
Беда какая-то впереди?

Кабиль

(мрачно)

Спокойно жди!

Аклима

(вставая)

Или ко мне ты остыл —
Меня разлюбил?

(Торопливо.)

Нет, любишь!.. Тогда почему
Ночи и дни напролёт
Ты всё молчишь, молчишь?

Душа превратилась в лёд?

(Опускается на колени.)

Кабиль!

Я пред тобой на коленях буду стоять —
Ответа ждать!..

Молчание.

Не хочешь сказать?

Кабиль

(обнимая Аклиму)

От стужи ночной душа замерзает,
Поверь мне, поверь, золотая моя!
Я замерзаю... Нет в моём сердце
Прежнего жара – бывшего огня...
Устал мой дух, надломились крылья,
Гибну я день за днём...
Зажги мою душу, о милый ангел,
Своим животворным огнём!

Аклима

(быстро-быстро)

Почему твой голос охрип?

Почему твои губы дрожат?
Глаза твои... ах, глаза —
Что в них за огни блещут?
О какой-то ужасной тайне
Они говорят со мной —
Порой прямо в сердце глянут,
И сердце прожжёт такой
Огненной тоской!..
Молви, милый, да что с тобой?!

Кабиль

(жалобно)

Аклима моя! Не могу я уснуть,
В полночной тьме не могу отдохнуть, —
Как жалкий безумец, мой дух рыдает,
Кровью я плачу, никто не знает
Ада, жгущего мою грудь!!!
Жутко, темно кругом... И не вижу,
Чьи голоса в этой тьме звучат, —
Да, по ночам словно злобные толпы
Вокруг меня рычат и кричат!
Как будто полчища сил враждебных
Издали руки тянут ко мне,
Всё ближе подходят, всё громче, громче
Читают о страшной моей вине:
Читают о муках судьбы проклятой
И об ужасных моих путях
Читают... И каждое слово слышу...

И леденит мою душу страх,
Когда, с четырёх сторон окружив,
Хохоча, возникая то там, то тут,
Азраилы – жестокие слуги смерти —
За руки в бездну меня волокут...

(Словно в бреду.)

Волокут...
Помоги, спаси, дорогая!
В аду беспощадном меня сожгут!..

(Припадает к груди Аклимы.)

Акклима

(крепко обняв Кабиля)

Ты сходишь с ума! Ах!
Ты сходишь с ума!..

Кабиль

Что? Я схожу с ума?!

(В тяжёлом раздумье.)

Тревоги, страдания безумят меня, Акклима!..
Я – как взбесившийся лютый тигр,
Свежее мясо терзать готов,

Перед собой в обагрённых саванах
Вижу бесчисленных мертвецов.
Тянется, тянется с пеньем унылым
Покойников бесконечный ряд,
Объяты ко мне они простирают,
«Иди, мы друзья твои!» – говорят.
И дальше идут угрюмой толпою,
Неся окровавленный труп на плечах,
Идут тяжело, большими шагами,
Идут со слезами в мёртвых очах.
Я тоже шагаю за этим трупом
И плачу... Как вдруг нарастает вой:
Крутась-кружась, спускается с неба
Дракон-аждаха, исполинский, злой,
Меня обвивает, вихрем уносит,
А буря бушует, грохочут грома,
И в грозное море меня он бросает —
В бездонную глубь...
Аклима, Акклима!..
За что, о, за что небесные силы
Меня так мучают без конца?

Аклима

Свет моих глаз, потерпи! Здесь, наверно,
Замысел скрыт властелина-Творца.

(Воздевает руки к небу.)

О, сжался, не мучь моего Кабиля,
Хоть слово скажи, милосердный Аллах!
Хоть намекни: что за тайны сокрыты
В суровых твоих, непонятных делах?

Кабиль

(с горечью)

Не отвечает? Молчит?.. Да будет
Проклят он, проклят тысячу раз!..

Аклима

Постой, ах, постой!.. Он не станет вечно
Так мучить нас, так испытывать нас!
Время придёт, – эти муки-страдания
Он прекратит... И увидишь: с тех пор
Милостив будет Всевышнего взор
И справедлив его приговор.

Кабиль

Прошли года... Я покорно ждал,
Терпел всё больше жестоких зол,
Милости ждал я, глаза устремив
На небо, на светлый его престол.
Но счастье желанное не пришло,
Мечты сокровенные не сбылись,
До бессердечного властелина

Мои моления не донеслись.
Вечного с нас он не снял проклятья,
Не облегчил нашей доли земной.

(Тихо.)

Теперь к безжалостным небесам
Просьбы нет у меня ни одной...

Пауза.

В вечном изгнание... Горьком страдание...
Что за судьба?!

Аклима

О, ещё хоть раз
Давай, мой любимый, встав на колени,
Попросим милости у Аллаха —
И он простит, помилует нас!

Кабиль

Просить Аллаха?!
Сегодня ночью,
Блуждая в горах, среди мрачных скал
В последний раз его умолял я,
Руки вздымал, на коленях стоял.
Но он непреклонным, гордым остался,

Мольбы мои горестные отклоня,
И лишь азраилы – вестники смерти —
Проклятья обрушили на меня.
Слышишь?! Мольбы мои отклоня,
Проклятья обрушили на меня!..
Тогда я увидел: один на земле
Жить и бороться я обречён,
А все молитвы мои, все обряды
Тщетны и лживы...
Безжалостен он!

Аклима

(испуганно)

Нет-нет, он добр!.. Берегись, золотой мой,
Аллах не простит оскорблений нам!..
Любимый, на путь не вступай, ведущий
В пылающий ад...

(Указывает на небо.)

Ведь молнии там!..

Кабиль

(со злобной насмешкой)

Молнии там... Молнии там...
Но знай: спасенье от этих молний

Сегодня нашёл я, ночью безмолвной
Блуждая один по диким местам.

(Вполголоса, склоняясь к Аклиме.)

Когда я с горящим от горя сердцем,
Чуя в груди то мученье, то страх,
Бродил среди этих утёсов и дебрей,
Кто-то явился ко мне в горах.
Явился вон там, неизвестно откуда,
Весь лучезарный – кто он такой? —
И светлый путь бесстрашно и властно
Мне начертил могучей рукой.
Тот светлый путь – от слёз и мучений
Людей он спасёт, людей приведёт
В мир, где сияет вечная радость,
В мир, где не знают мук и невзгод.
Там нет беспощадно горящего ада,
Нет злобных молний, бедствий, богов,
Там нет обречённых на вечные муки,
Изгнанных с неба на веки веков...

Акклима

(быстро прерывает его)

Что натворил ты? Что натворил ты?!
Страшно, ах, страшно!.. Чудится мне —
Ты перед пропастью, чёрной, жадной,
И ничего, кроме тьмы непроглядной,

Не видят глаза в её глубине...
Ты заблудился! Коварным обманом
Тебя заманил хитрец Газазил,
Дороги твои опасной завесой
Он заслонил!..

Кабиль

(внезапно)

Моя Акклима!
Если и вправду жестокие боги
Мне эту землю покинуть велят,
Если меня беспощадно осудят —
Бросят навеки в пылающий ад,
Если, смеясь надо мною, станут
Моей судьбой играть они,
Если кидать в меня азраилы
Будут горящие головни,
Если в лесах, среди лютых тигров
Останусь, страдания жалкий сын,
Если в аду, среди жгучих углей
Мучиться буду один, один, —
Ужель ты не явишься мне на помощь,
От этих мук не спасёшь меня?..
Ужель в огне любимого бросишь
И утешать не придёшь меня?

Пауза.

Ты что молчишь?! Ты что молчишь?!

Пауза.

Ты мне чужая с этого дня?

Пауза.

А я-то тебя любил...

Ах, Аклима дорогая, зачем же

Ты так обманула меня?

Зачем ты на каждый вопрос лгала?

Зачем ты со мною так холодна?

Зачем молчишь, меня не жалеешь,

Ясная ты моя луна?!

(Отходит на дальний край сцены.)

Я в тёмной пустыне остался один,

Совсем один... Отныне меня

Отвергла земля, небеса осудили,

Отвергла, бросила вся родня.

Братья мои... Страшась моих слов,

Они разбежались, трусливы, жалки,

Как от рычания могучего тигра

Прочь разбегаются хомяки.

Даже моя Аклима обманула,

Со мною лежавшая в чреве одном:

Я звал, – но руки не дала, отступила,

Идти побоялась новым путём.
О ты, что, глядя по волосам,
Любимым звала меня столько раз,
Лживая дева! В пустыни и дебри
Один навсегда уйду от вас...
Там спросят птицы: «Где Акклима?
Она не с тобою? Что это значит?...»
И я расскажу... И, узнав моё горе,
Духи заплачут!

(Быстро идёт прочь. На миг останавливается.)

Акклима

(устремляясь к нему)

Не оставляй меня, не уходи!
Мой золотой! Подожди, подожди!

(Рыдает.)

Куда ты один? Возьми и меня,
Спаси и меня от злого огня!..

(Бросается Кабилю на шею.)

Если тебе, о свет моих глаз,
Землю покинуть боги велят,
Если тебя, издеваясь, смеяшь,
Бросят они в раскалённый ад,

Не изменю я – останусь верна,
Пушай в огонь пошлют и меня,
В горящих тамугах – адских печах
Пушай с тобой сожгут и меня!..

(Восторженно.)

Я буду мольбы к небесам возносить,
Вечно рыдая, пощады просить,
Любые твои грехи и проступки
Слезами сумею смыть!
Знай —
День и ночь справедливости мудрой
У всемогущего буду молить...

Кабиль

(насмешливо)

И он простит?!
Нет. Хватит с меня!
Пред ним унижаться больше не стану.
Теперь я молиться ему прекращу,
Теперь не поддамся его обману
Он – изверг! И все повеленья его
Полны насмешки, лжи и коварства.
Сколько в слезах я молился ему,
А знал лишь мучения да мытарства.
Клянусь: навсегда от него отрекусь,
Больше его не хочу признавать я,

К нему не вернусь...

Гремит гром, вся природа мрачнеет, окрашивается в зло-
вещие тона. Акклима падает на колени, молится. На сцену в
смятении выбегают дети Адама. Слышны их испуганные го-
лоса.

Голоса

Что случилось?.. Что?..

Кабиль

(посреди сверкающих молний)

Проклятье!

Проклятье!

Проклятье!

Проклятье!

(Исчезает в горах.)

Занавес.

Явление третье

То же место, занавес открывается под звуки оглушитель-
ного грома. Сыны и дочери Адама, стоя на коленях, прости-
рают руки к небу. Среди них и совсем маленькие дети. Из

туч гремит голос.

Голос

Отныне для грешников я распалил
Тамуг великий – адскую печь.
С нынешней ночи буду Кабиля
В пламени вечном жечь!..

Дети Адама

(хор)

Руки воздев, в небеса взирая,
О наш Аллах, мы взываем к тебе.
Не мсти, пощади, пожалей Кабиля,
Будь милосердным к его судьбе.

Адам

С седой бородой, преклонив колени,
Тебя я молю в этот скорбный час:
О наш Аллах, на моё страданье
Взгляни хоть раз, один только раз!
Один лишь минутный грех допустил я,
Один лишь проступок, – и с этого дня
Обрушивать горы и горы мучений
Ты стал на раба своего – на меня!
Сколько тебя умолял я, владыка,
Но длятся печали мои до сих пор, —

Не сжалился ты над рабом недостойным,
Милостивым не стал твой взор!..
Раскаты грома стихают.
С седой бородой, преклонив колени,
Тебя я молю в этот скорбный час:
О наш Аллах, лишь одну мою просьбу
Хоть раз не отвергни – сжался хоть раз!

Дети Адама

(хор)

Не мсти, о владыка, прости Кабиля —
Мсть не нужна твоей славе и силе!

Хава

О вечный судья моего греха,
Наш всемогущий, мудрый Аллах!
Взгляни: от печали и скорби не слёзы,
А кровь не сохнет в моих глазах.
Я изгнана волей твоей была
Из рая привольного в мир земной,
И сколько я слёз пролила кровавых,
Сколько несчастий случилось со мной!..
Властью своей в утешенье мне
Ты, мой Аллах, подарил сто детей,
И все они, руки воздев, на коленях
Плачут, о милости молят твоей!

Дети Адама

(хор)

Не мсти, о владыка, прости Кабиля —
Мсть не нужна твоей славе и силе!

Абиль

Он сбился с праведного пути,
О светлом престоле твоём забыл,
Навечно изгнанный Газазил
Раба твоего обманул, ослепил...
Направь его вновь на истинный путь,
Прости его грех, милосерден ты!
Как нет пределов у власти твоей,
Так нет границ у твоей доброты!

Дети Адама

(хор)

О, не ввергай нас, Тенгри-владыка,
В новое горе, в новые муки,
Живём мы и так в нужде и печалях,
С мольбою к тебе простираем руки!

Аклима

В сердце моём горящим огнём,

Надеждами страстными я клянусь,
За ночью ночь гонящими прочь
Рассветами ясными я клянусь:
Поверь, о Тенгри-творец, для меня
Радость единственная – это он,
Из всех людей только им одним
Путь моей жизни земной озарён...
Ты сам даровал мне его, Творец,
Зачем же решение своё менять?
Зачем же, зачем ты теперь задумал
Светлое счастье моё отнять?
Не мучай Кабиля – радость мою,
Тебя, о Творец, о пощаде молю!

Дети Адама

(хор)

Не мсти, о владыка, прости Кабиля —
Месть не нужна твоей славе и силе!

Два ребёнка

Взгляни на нас, на малых детей,
На жалких, безгрешных твоих рабов,
Простёрли мы к власти безбрежной твоей
Наши ручонки, что хлопка белей.
Мы молим тебя, на колени упав:
Могучий Тенгри, вниз погляди,
Взгляни, прислушайся к нам, безгрешным,

Рабов своих маленьких пощади!

Дети Адама

(хор)

Не мсти, о могучий, прости Кабиля —

Мсть не нужна твоей славе и силе!

Со всех сторон на сцену с пением выходят ангелы. Каждый из ангелов идёт, подняв правую руку к небу.

Ангелы

Не мсти, о великий, прости Кабиля —

Мсть не нужна твоей славе и силе!

(Опускаются на колени.)

Взор свой склони, милосердье яви,

Святого могущества стяг подними,

С лица земли все вечные муки,

Невзгоды, страданья прочь прогони!

Все

(дети Адама и ангелы)

Не мсти, всемогущий, прости Кабиля —

Мсть не нужна твоей славе и силе!

Внезапный оглушительный удар грома. В толпе детей Адама слышны испуганные возгласы, они теснятся друг к другу. Сцена озаряется ярким светом, появляется Джабраил — вестник небесного Закона. Дети Адама падают на колени.

Джабраил

Прекратите молить, прекратите просить
За того, кто посмел нарушить закон, —
Не творцу сегодня в полночной тьме,
А совсем другому молился он...
Нет, не ждите милости для него,
Он теперь вседержителя вечный враг,
Он не будет прощён, для него зажжён
Исполинский ад, где огонь и мрак.
Подойди, Адам! Наш Тенгри-творец
Объявляет приказ, не желает ждать:
Аклиму отдать ты Абилю должен!

Дети Адама

Абилю, Абилю отдать?..

Джабраил

Да, должен Абиль её мужем стать!..
И пусть живут неразлучно, дружно
С этого дня и до Судного дня,
Пусть вместе творят обряды, молитвы,

Верность супружескую храня...
А для непокорных Творец распалил
Тамуг великий – адскую печь,
С нынешней ночи будет Кабиля
В пламени вечном жечь!..

Абиль

Что?.. Взять Аклиму?.. О Творец великий!..

Джабраил

Это – веление Тенгри-владыки!

Аклима

Тенгри... Тенгри... Тенгри...

Аклима без чувств падает на землю. Джабраил исчезает.
Занавес закрывается под оглушительные раскаты грома.

Явление четвёртое

Долина между горными хребтами. Вулканы извергают
пламя. Время перед заходом солнца. Кругом тишина. Изред-
ка доносятся трели соловья. И вновь тишина. Когда откры-
вается занавес, на сцене нет никого. Таинственная музыка.

Затем на сцену поспешно выходят Кабиль с Аклимой.

Кабиль

Скорей! Из проклятого этого края
Идём туда, где радостный пир,
Светлым путём полетим вдвоём
В свободный, сверкающий жизнью мир!
Там нет Аллаха, его законов,
Горя и бедствий, вражды и смут,
Там будем жить мы легко и вольно,
Как смелые, вольные ветры живут!..

Аклима

(отступая от Кабиля)

Я остаюсь... Не могу уйти.
Увы, мне с тобою не по пути!..

(В отчаянье.)

Сердце моё всё злее сжимают
Железные кольца, стальные узлы,
Я не могу уйти, я не сброшу
Эти пылающие кандалы...

Кабиль

(обнимая Аклиму)

Не оставайся, нет! Не колеблясь,
Давай отсюда вдвоём сбежим, —
Сломав эти сумрачные ограды,
Счастью навстречу мы поспешим...
А я в груди, как завет священный,
Спрячу тебя, драгоценность мою,
Тебя ни бурям, ни жадным тиграм
Не дам и тронуть. Клятву даю!

(Падает на колени.)

Моя Аклима! Меня не бросай, молю!..

Акклима

(задумывается, вздрагивает)

Страшно... Нет-нет! На моих путях
Стражи таятся...

(Поднимает руку к небу.)

А там — Аллах!..

Кабиль

От силы горячей нашей любви
Все цепи порвутся, рассыплются в прах!
Пойдём же! В тот вольный край не достигнет

Ни Бог, ни его беспощадная мать,
Оттуда ему мы бесстрашно будем
Вечные наши проклятья слать!

Аклима

(взволнованно)

Куда бы с тобою мы ни сокрылись,
Везде он увидит, повсюду найдёт,
Хищных драконов на нас натравит,
Дивов-чудовищ в погоню пошлёт...
Он счастье наше в тьму огневую
Злобно низвергнет, в золу превратит,
Месяц и солнце, и звёзды над нами
Навеки погасит и умертвит...

Кабиль

Погаснут звезды, – ещё светлее
Лучи твоих глаз озарят небосвод,
Заря взойдёт, в цветы разодета,
В вечность полночная тьма уйдёт...
Скорей, моя гурия! Как на крыльях,
Летим в те солнечные края!..

(С мольбой.)

Скорей, Аклима! Пойдём, дорогая!..

Аклима

Ах, мой Кабиль! Звезда ты моя!
Чего-то страшится сердце,
Чего-то ужасного жду.
Кабиль мой! Ах, если б знал ты,
В каком я горю аду!..
Как будто земля и небо
Сурово за нами следят,
Цветы, соловьи, деревья —
«Изменники!» — нам твердят.

Оба медленно идут дальше. Внезапный удар грома. Аклима припадает к груди Кабиля. На сцене появляется могучий Джабраил — вестник небесного Закона. Разъединив Аклиму и Кабиля, он становится между ними. Аклима падает на колени.

Кабиль

(отступая)

Вестник закона?..
Что нужно тебе от нас?

(Насмешливо.)

Быть может, твой властелин
Объявляет мне новый приказ?

Джабраил

(торжественно)

Да, я пришёл к тебе с повеленьем
Того, кто всевластен, непогрешим:
Оставь заблужденья, Кабиль, покайся,
Признай Творца, склонись перед ним!

Кабиль

(с издевательским смехом)

Склониться? Покаяться?!
Ха-ха-ха-ха-а!..
Нет!
У меня уже вместо него
Другое есть на земле божество!..
Прочь! Убирайся! Лети назад —
К Тенгри, к жестокому палачу,
Скажи ему: подчиниться покорно
Злому приказу его не хочу!
Ещё в колыбельке мою Аклиму,
Как радость желанную, я растил,
Не спал по ночам, на груди хранил
Её от всех губительных сил...
Клянусь: и сейчас я от всех страданий
Подругу мою сберегу,
Её не отдам я тебе, тебе —
Предателю и врагу!
Сгинь! Удались!..

А не то берегись!..

Кабиль бросается к Джабраилу, но неумолимый небесный посланец с язвительным смехом отталкивает его. Кабиль падает наземь. Схватив Аклиму, грозный Джабраил исчезает. Оглушённый Кабиль продолжает лежать ничком на земле. С другого конца сцены появляется лучезарный Газазил – могучий вестник Идеи, приближается к неподвижно лежащему Кабилю.

Газазил

Вставай, Кабиль! Вставай и мужайся,
Хватит стонать и страдать опять, —
Против богов проклятых ты должен
Мщенья клинок поднять!

(Выхватывает сверкающую саблю.)

Я изгнан был из райского края,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.